

— Я виноват перед тобой, братец Хан, я доставил тебе столько хлопот. Пожалуй, тебе не стоило со мной знакомиться, — тихо произнес Чжан Сяовэй.

— Нет, нет, нет. Я ни о чем не жалею, мне хорошо, правда. Ты подарил мне такое счастье, какого я никогда прежде не испытывал.

Ли Хан повернулся и попытался обнять Чжан Сяовэя. Но потом передумал: протянутая наполовину рука замерла и вернулась обратно.

— Братец Хан, мы не подходим друг другу. Я еще молод, глуп. К тому же я... — Чжан Сяовэй не договорил.

— Преподаватель Сюй Ци тебе гораздо больше подходит, сразу видно, что он тоже искренне тебя любит, — добавил Чжан Сяовэй.

— Ты так нетерпеливо пытаешься спихнуть меня кому-то другому? — с легкой обидой в голосе спросил Ли Хан.

— Ты напился, иди-ка лучше отдохни, — ответил Чжан Сяовэй, не смея смотреть Ли Хану в глаза и опуская голову.

— С чего это я напился? Разве это количество алкоголя может меня свалить? Хотя... кажется, я действительно пьян. Знаешь, когда я увидел, с каким испуганным лицом ты убегал отвечать на звонок, я уже был пьян. Знаешь ли ты, что каждое твое хмурое движение вонзает мне нож прямо в сердце? Знаешь ли ты, что от каждой твоей улыбки я потом еще долго глупо улыбаюсь сам себе? Кажется, я отравился тобой, и этот яд не вытравить, — Ли Хан взял Чжан Сяовэя за руку и мягко проговорил:

— Все люди склонны пресыщаться старым и жаждать нового. Когда мое лицо покроется морщинами, а на висках проступит седина, ты уже не станешь говорить подобное.

— А ты? Разве ты не пресытишься старым, не забудешь то, что было прежде, ради меня, новичка?

Ли Хан просидел на корточках слишком долго, и когда поднимался, его немного зашатало.

— Иди сюда, выпей воды, прополощи рот, — Чжан Сяовэй помог Ли Хану подняться, и тот почти всем весом оперлся на него.

Два красивых парня, милующиеся у входа в студенческое общежитие, привлекали немало взглядов.

Чжан Сяовэй чувствовал себя не в своей тарелке и сказал:

— Оставь машину здесь, езжай домой на такси. Завтра после работы приедешь и заберешь.

Ли Хан склонил голову набок и, глядя на слегка покрасневшее от выпивки лицо Чжан Сяовэя, нагло заявил:

— Я пьян, ты должен поехать со мной и позаботиться обо мне.

— Исключено, — отрезал Чжан Сяовэй.

— Когда у Сюй Ци было плохо на душе, ты же мог поехать и побыть с ним, почему со мной нельзя?

В этот момент Ли Хан вел себя властно, совсем как капризный ребенок.

— Я иду к себе. Хочешь оставаться здесь — оставайся, — на лице Чжан Сяовэй мелькнуло раздражение.

— Ладно, слушаюсь тебя. Я буду послушно делать все, как ты скажешь, господин начальник, — с ухмылкой произнес Ли Хан.

Чжан Сяовэй протянул руку и поймал для него такси.

Ли Хан с трудом сделал пару шагов вперед, затем повернулся, раскинул руки и заключил Чжан Сяовэя в объятия.

Чжан Сяовэй не стал отталкивать его.

Проводив взглядом уезжающего Ли Хана, Чжан Сяовэй хотел отправить Сюй Ци короткое сообщение, чтобы хоть немного его утешить.

Он настучал множество слов, но каждое казалось лишним, и в конце концов так ничего и не отправил.

Это чувство походило на триумф победившего генерала, который после разгрома врага норовит нанести ему еще один удар.

Чжан Сяовэй чувствовал лишь страшную усталость.

Чжан Сяовэй дотащился до комнаты со стонущим от утомления телом, и Гогай тут же участливо спросил:

— Вэй-гэ, на тебя лица нет.

У Чжан Сяовэя не осталось сил даже говорить — он покачал головой и забрался на свою кровать.

Боэрба налил ему стакан воды, но Чжан Сяовэй лишь взмахнул рукой и выдал:

— Спасибо.

Не прошло и нескольких минут, как он прилег, зазвонил телефон. Увидев имя на экране, Чжан Сяовэй понял — это Чжан Чжи.

— Алло, что-то случилось? — обессиленно спросил он.

— Помнишь, я говорил тебе пару дней назад, что устроился в компанию с хорошими доходами? Представляешь, там обнаружился твой старый знакомый. Угадай кто? — радостно выпалил Чжан Чжи.

Вспомнив о звонке Жэнь Цзяня, Чжан Сяовэй почувствовал, как в голове гулко зашумело.

— Как тесен мир, надо же было такому случиться.

— О, ты уже знаешь? Это твой хороший друг, Жэнь Цзянь. Сегодня он столько всего забавного рассказал о тебе со школьных времен, я заслушался. Ах да, он еще попросил у меня твой номер телефона.

Сердце Чжан Сяовэя рухнуло в пропасть. Ему показалось, что он снова испытывает то отчаянное чувство утопающего.

— У меня с ним плохие отношения, держись от него подальше, — сглотнув слюну, выдал Чжан Сяовэй сквозь зубы.

— Да нет же, он отличный парень: общительный, разговорчивый, а главное — симпатичный. Мне ужасно нравятся его ямочки на щеках, хотя до тебя ему, конечно, далеко, — хихикнул Чжан Чжи.

— Я запрещаю тебе с ним сближаться, неужели не ясно? — расвибрился Чжан Сяовэй.

— Что с тобой, откуда столько злости? Ты заболел? — Чжан Чжи явно растерялся от внезапной вспышки гнева.

— Я спать.

В этот момент в голове Чжан Сяовэй запульсировало так, словно ее грызли тысячи насекомых, а со лба градом покатались крупные капли пота.

Сбросив вызов, Чжан Сяовэй нащупал у изголовья пузырек с лекарством, вытряхнул пару таблеток и проглотил.

Только после этого головная боль немного утихла.

— Вэй-гэ, ты спишь? — подал голос Боэрба, все это время сидевший за компьютером.

— Нет, — Чжан Сяовэй перевернулся на другой бок.

— Староста Вэньцзин только что писала мне в куку, спрашивала, свободен ли ты завтра после обеда. Говорит, нужно сходить на репетицию спектакля, посмотреть, — с надеждой в голосе произнес Боэрба.

— Но у меня совсем нет на это настроения, — тихо ответил Чжан Сяовэй.

— Ты в последнее время сам не свой. Сходи на репетицию, глядишь, и хандра пройдет, — Боэрба почему-то невероятно страстно желал пристроить Чжан Сяовэй в драмкружок.

— Ладно, тогда завтра после первой и второй пары заглянем туда, — Чжан Сяовэй не смог отказать другу.

— Ха-ха, Боэрба просто хочет поглазеть на красивых старшекурсниц, а прикрывается твоим именем, — рассудительно заметил Гогай, развалившись на кровати и лузгая семечки.

Чжан Сяовэй бросил завистливый взгляд на безмятежного Гогая.

Никаких забот, круглый оптимист. Лишь бы было что поесть — и уже счастлив.

Наверное, именно так и надо прожить жизнь: радостно и беззаботно, не терзаясь из-за бесконечных мирских неурядиц.

Вот только порция удачи каждому отмерена свыше, и хоть обмолись — раньше времени не получишь.

Чжан Сяовэй глянул на напевающего себе под нос Гогая с семечками в руках и горько усмехнулся.

Всю ночь он ворочался с боку на бок, не в силах забыться сном.

— Эй, как ты вчера добрался? — Линь Юй толкнул локтем Чжан Сяовэя, делавшего конспект.

— Как обычно, — даже не поднимая головы, буркнул тот.

— Братец Хан ничего тебе не рассказывал про свои дела с преподавателем Сюй? — с любопытством допытывался Линь Юй.

— Нельзя ли быть чуточку менее сплетником? — Чжан Сяовэй постучал ручкой по качающейся голове Линь Юя.

— Ой, брось, я же о тебе пекусь! Знаешь поговорку: узнай врага и себя — победишь в сотне битв. Если вдруг они сойдутся по новой, разве ты не окажешься в дураках? Пусть Сюй Ци и мой преподаватель, но ты-то моя подружка!

— Подружка твоя в зеркале! Какое мне дело, с кем они собираются сходиться? — не выдержал Чжан Сяовэй.

— Ишь ты! Грязнуля, подружка тут только ты! Сама ведь душой к человеку прикипела, а притворяешься, будто все равно. Хватит ломать комедию, а то останешься у разбитого корыта и упустишь своего золотого зятя!

— По себе людей не суди! Это ты у нас нашел беззащитного Го Юя и тут же обвел вокруг пальца, — съязвил в ответ Чжан Сяовэй.

— Ничего-то ты не понимаешь. Это как в истории про Чжоу Юя и Хуан Гая: один бьет, другой рад подставиться, такова воля небес, — самодовольно заявил Линь Юй.

— Воля небес, воля небес... — пробормотал Чжан Сяовэй и на секунду выпал из реальности.

— Прекрати мистицировать! Вечно ходишь угрюмый, как реинкарнация Линь Дайюй... Нет, даже хуже, чем матушка Линь, та хоть не капризничала так. Есть чувства к братцу Хану — так будь с ним, чего ломаться? Не сойдетесь — разойдетесь, делов-то, — пренебрежительно махнул рукой Линь Юй.

— Есть чувства — будь вместе, не сошлись — разойдись? — Чжан Сяовэй был ошеломлен столь легкомысленным заявлением.

— Ну да, а ты что, и впрямь веришь в настоящую любовь между парнями? Все это просто игры. Наш круг узок, все друг друга знают: кто актив, кто пассив, кто с кем спал — тайны ни для кого не секрет. Взять хотя бы тех троих вчерашних: каждый перепробовал кучу мужиков, да и сам под ними не раз бывал, а то и друг с другом крутили.

Линь Юй склонил голову набок и принимался маленьким ножичком подравнивать ногти, ведя беседу самым беспечным тоном.

— А ты? Ты тоже так живешь? — Чжан Сяовэй почувствовал смутное отвращение к подобным отношениям.

— Я? — Линь Юй поднял глаза на Чжан Сяовэй и равнодушно бросил: — С кем надо было — играл, с кем не надо — нет.

Сделав паузу, он в упор посмотрел на Чжан Сяовэй и добавил:

— Запомни раз и навсегда: нельзя верить мужчинам, когда они мечут бисер о всякой там вечной любви. У мужчин штаны на самом ненадежном ремне держатся. А среди геев это правило работает вдвойне, ведь нас не держат путы официального брака. Взяли что хотели, застегнули штаны, разошлись в разные стороны — и незнакомы больше. А столкнемся снова — сделаем вид, что так и надо. К тому же большинство парней в итоге все равно женятся. Звучит жестоко, да? Но такова уж наша жизнь, такова реальность.

Длинная тирада Линь Юя была полна тяжких вздохов.

Но эти небрежные слова подняли настоящую бурю в душе Чжан Сяовэя.

Когда они с Гогаям и Боэрбой пропадали ночами в интернет-кафе, он тайком читал кое-что о жизни геев и знал, как распутен этот мир.

Он никогда и помыслить не мог, что сам окажется вовлечен в подобные связи, ведь он искренне верил, что в его сердце живет лишь Чжан Чжи, а в сердце Чжан Чжи — только он сам.

Меньше всего он ожидал, что пока он всеми силами сторонится этого мирка, тот незаметно подберется к ним вплотную.

Чжан Чжи свелся с Жэнь Цзянем еще в старшей школе, а он сам в институте сошелся с Линь Юем, Ли Ханом, Ван Гоюем, да с теми же Лянцзы, Хуацзы, Яорао и прочими.

Чжан Сяовэй знал, что Линь Юй не врет. Больше всего его поражало то, с какой легкостью Линь Юй рассуждал о вещах, казавшихся самому Чжан Сяовэю неминуемой катастрофой, — словно о чем-то самом обыденном.

Эта привычка принимать все как должное пугала сильнее всего. Он боялся однажды тоже плыть вот так по течению.

— Пара заканчивается, ты куда потом? — Линь Юй захлопнул учебник.

— Обещал старшекурснице Чэнь Вэньцзин и остальным, пойдем на репетицию спектакля, — равнодушно отозвался Чжан Сяовэй.

— И ты в самом деле воспринимаешь эти кружки всерьез? — прыснул со смеху Линь Юй.

— Никуда не денешься, уже пообещал. К тому же узнать что-то новое полезно, да и драмкружок напрямую связан с нашей специальностью. Не хочешь составить компанию? — предложил Чжан Сяовэй.

— Уволь, мне неинтересно. Если захочу посмотреть пьесу, я точно не стану делать это здесь, — Линь Юй подул на свои ногти. — Кстати, та староста Чэнь Вэньцзин — это ведь она тебе в прошлый раз цветы приносила? Надо же, а девчонка все еще по тебе сохнет.

— Мы земляки, — нахмурившись, процедил Чжан Сяовэй.

— Ой, гляньте-ка! Чего тут скрывать-то, эка невидаль. Да она просто запала на тебя! Стала бы она дарить розы, если бы не нравился? А ты вспомни, как у нее лицо алым залилось, когда нас в драмкружок вербовали, да даже свинья бы догадалась. Хватит строить из себя невинную овечку.

Линь Юй сердито зыркнул на Чжан Сяовэй.

— Ладно-ладно, твоя взяла, ты во всем прав, довольно, а? — Чжан Сяовэй не желал тратить силы на пустые споры.

— Чжан Сяовэй, ты в кольце. Кончено, все кончено, моему братцу Хану крышка. Бабы спереди, мужики сзади — его зажали с двух сторон, положение критическое! — Линь Юй сладко зеванул, достал зеркальце и принялся поправлять прическу, совершенно игнорируя испепеляющий взгляд Чжан Сяовэя.

— Не таращись так, глаза и так невелики, от злости больше не станут. Желаю прекрасно провести время со своей старостой... тьфу, с землячкой! А у меня свидание, чао-какао.

Под звонок с урока Линь Юй захлопнул зеркало, грациозно развернулся и покачивая бедрами упорхнул из аудитории.